советская культура

КРАСКИ МИРА

1990. - 17 февр. - С. 14

ЕСТЬ ЛИ ПРАВА У «ЗВЕЗД»?

В феврале 1988 года Москва запестрела афишами, возвещавшими, что в Государственном центральном концертном зале пройдут выступления Лаймы Вайкуле. То был ее сольный дебют.

Спустя два года в том же месяце и в том же месте состоялся ее новый бенефис.

— Неужели вы столько времени готовили следующую программу! Или, может, что-то случилось! Если нет, то почему вас так давно не видно по телевидению, не слышно по радио! — с этих вопросов началась наша беседа с певицей.

— Сама не напрашиваюсь, если не приглашают,— ответила Лайма Вайкуле.— Что поделаешь, у меня такой характер.

Впрочем, пригласить меня было трудновато, потому что в прошлом году много времени отсутствовала в стране: семь месяцев провела в Америке, ездила в Финляндию на фестиваль «Восток и Запад», а совсем недавно — в ФРГ, где участвовала в оперном бале.

— В оперном бале! А что это такое!

— Это очень престижная встреча, которая проходит раз в два года под разными девизами. Темой нынешней были «Русские впечатления». На такие встречи собирается высший свет общества земли Баден-Вюртемберг: бизнесмены, политические и культурные деятели, самые популярные представители прессы, ТВ, радио, а также «звезды» искусства. На сей раз были приглашены советские артисты: Л. Шемчук, В. Атлантов, О. Попов с труппой артистов цирка и я со своим коллективом. Во время оперного бала, носящего праздничный характер, происходят и деловые знакомства, оговариваются выгодные сделки, будущие контракты, ангажементы. Очень жаль, что у нас в СССР нет аналогов таких встреч.

— А что, если не секрет, целых семь месяцев вы делали в Америке!

— Готовила новые песни и снималась в видеофильме.

— Нельзя ли поподробнее: как вы там оказались!

— Случайно. Как мне потом рассказал продюсер Стэн Корнелиус, он, будучи в Москве, на фирме «Мелодия», попросил познакомить его с пластинками ведущих советских исполнительниц: искал подходящую кандидатуру для записи одной песни. Прослушав разный материал, остановился на голосе, исполнявшем «Вернисаж», то есть на моем. Потребовал фотографию. И я оказалась той, которая ему нужна. Так состоялось наше заочное знакомство.

— И как же дальше развивался ваш деловой «роман» с заокеанским бизнесменом!

— На первых порах не очень бурно. Сначала он записал со мной в Москве «Вернисаж» на английском языке и американскую песню в стиле кантри. Судя по всему, ему понравилось, ибо он заключил со мной частный контракт, чтобы продолжить работу в тамошних студиях. И только с того момента я начала ощущать себя Алисой в стране чудес. Если вам интересно, порасскажу о действующем там механизме шоу-бизнеса.

— Конечно! Мы воспользуемся вашим рассказом, чтобы провести своего рода

ЛИКБЕЗ

для начинающих отечественных менеджеров.

— На Западе любой артист имеет своего продюсера. «Звезду» там делают, причем с ювелирной тщательностью. Продюсер продумывает не только имидж, стиль, условия работы подопечного, но и каждый его шаг при восхождении в «звезды» (от создания аудиовизуальной творческой продукции до ее рекламы в средствах массовой информации и в печати).

Стэн Корнелиус нанял в Лос-Анджелесе две частные студии звукозаписи: одна принадлежит Майклу Сэмбелло, известному певцу, композитору и гитаристу, игравшему у Стива Уандера, вторая — Питеру Бонетта. Под их руководством я записала семь новых песен на английском языке. Три из них были отобраны из предложенных мною: две с музыкой Раймонда Паулса (в русском варианте они называются «Я за тебя молюсь» и «Умный в гору не пойдет») и мелодия моего музыканта Вячеслава Хусида. Другие они мне дали сами.

Затем состоялась презентация этих песен на семи крупнейших фирмах США, выпускающих пластинки. Сейчас идут переговоры организационного порядка: сколько произведений исполнять, каких, в каком стиле. И та фирма, что меня «купит», нанимает профессионалов, которые будут потом заниматься рекламой, подбором репертуара, имиджем, заключать контракты на съемку видеоклипов и концертные гастроли. Видите, как там все продумано!..

— Считается, что менеджер на Западе — это «рабовладелец» начинающих артистов, а потом раб «звезд», которых сам же сделал. Признайтесь, вас там сильно «эксплуатировали»!

— Пока я была там «чернорабочей». Сначала надо «выдать продукт», заработать имя, а уж потом все остальное. Ну, а что касается условий, в которых меня «эксплуатировали», думаю, это предел мечтаний для каждого моего советского коллеги.

Нас поселили в прекрасной вилле на берегу океана, в нашем распоряжении была машина, свой повар, который по специально назначенной диете готовил мне пищу из дорогих продуктов. У меня всегда были «карманные деньги», которые исчислялись, прямо скажем, иными суммами, чем получают советские командированные, приезжающие в США. Я имела возможность посещать парикмахера, косметолога, массажистов, врачей... У американцев удивительная черта: они делают максимум для того, чтобы все вокруг нравилось, доставляло удовольствие. Там каждый занимается своей работой и максимально ответственно относится к ней. Кроме того, в отличие от нас там четко соблюдается субординация. У них кто платит, тот и музыку заказывает. И никаких тебе обсуждений — они не топят дело в море дискуссий.

Но при всей этой жесткости деловой стороны контрастно выглядят человеческие отношения. Я ни разу не видела в студии хмурого, недовольного лица. А уж сколько комплиментов я получила там и по поводу голоса, и по поводу внешности, и по поводу моей выдержки (господи, думала я, вот дома требуется выдержка, а здесь-то что?) — хватит на всю оставшуюся жизнь.

ДАВАЙТЕ ГОВОРИТЬ ДРУГ ДРУГУ КОМПЛИМЕНТЫ

— Лайма, а может, это просто нравственный допинг для стимулирования исполнителя, не более!

— Конечно, допинг. Но представьте себе, не только в работе, а и в повседневных житейских отношениях я постоянно сталкивалась с этим. Поначалу я решила, что к нам относятся именно так, потому что мы гости, потому что из Советского Союза. А слова «перестройка», Горбачев, которого они любовно называют «Горби», известны там всем. Но потом поняла, что мы не исключение, что в Америке вообще культивируют доброту.

По утрам, когда мы выходили бегать, нам встречались десятки гуляющих людей, пожилых и молодых, и с нами обязательно здоровались. А вслед непременно произносили какой-то комплимент. Причем только комплимент, а не как у нас — уничижительно: «О, за инфарктом побежали!..» Американцы, даже те, с кем мы пересеклись мимолетно,— замечательные люди. И в этой стране хочешь не хочешь осознаешь необходимость возврата к доброте.

А ведь и у нас все это когда-то было, особенно в деревнях: и здоровались друг с другом десять раз на дню, проходя мимо, и бедой своей делились, и такое понятие, как сочувствие, присутствовало в реальной жизни. А теперь многие не знают даже, как зовут соседа по лестничной площадке, не то чтобы поприветствовать незнакомого человека, с которым, скажем, встретились в лифте. Страшно, но доброта и красота как-то незаметно выветрились из наших отношений, исчезли с лиц улыбки. Кстати, американцы потому и выглядят красивее, что постоянно улыбаются.

И вообще их стиль — оптимизм. Они всегда и во всем оставляют надежду на будущее.

— Где-то писали, что один американец, пробыв в нашей стране всего три месяца, заболел, как выяснилось, от недостатка положительных эмоций. Как вы думаете, возродить отношения, о которых вы рассказываете, у нас возможно!

— Думаю, мы должны прийти к этому, как же иначе? Но, понимаете, существует прямая взаимосвязь между благополучием и улыбкой — она появляется тогда, когда у тебя все хорошо. А благополучие там, где есть хозяин, который, как никто, бережно и добросовестно относится к своему хозяйству.

— Извините, Лайма, что перебиваем. Но ведь вы тоже в какой-то степени хозяйка: у вас есть свой ансамбль, балет...

— Хозяйка-то хозяйка, но вот взять их с собой в эту поездку средств у меня не было. Так что во время моего отсутствия они работали кто где. Сейчас ко мне вернулись не все, только самые преданные. Но я не в обиде. Я считаю, что артист имеет право на поиск. Если его не устраивает работа, которую он делает вместе со мной, пусть попробует себя в другом коллективе. Я вообще стремлюсь так подбирать партнеров, чтобы рядом были добрые красивые люди.

— То есть по-американски!

— Да. Однако пришла к этому интуитивно, еще до поездки в США. Дело в том, что жизнь наша кочевая, и если мы не чувствуем любви друг к другу, значит, надо «разводиться». Я сама не могу лгать и не переношу, когда лгут мне. И если человека не всегда удается распознать, когда принимаешь его на работу, то совместные выступления — это тот «рентген», который выявляет искренность отношений.

Мое жизненное кредо — быть самой собой. Потому и пою только то, что мне нравится, во что верю.

ЛИЦА ЗНАКОМЫЕ И НЕЗНАКОМЫЕ

— Судя по вашему новому сольному концерту, вы по-прежнему считаете своим единомышленником Раймонда Паулса. Ведь в вашем репертуаре его песни, как и раньше, занимают центральное место. Это потому, что вы земляки!

— Нет. Прежде всего потому, что он профессионал с большой буквы. И без его песен я не мыслю ни одного своего бенефиса. Он мой «крестный отец» на большой сцене, он моя поддержка и опора. Именно поэтому я была так настойчива, вытягивая его из круговерти министерских и депутатских дел сюда, в Москву. Но, увы... Он не смог вырваться. А ведь я заботилась и о нем: с моей точки зрения, он прежде всего творец, а потом политик и высокопоставленный чиновник.

Я знаю, что любое дело, за которое бы маэстро ни взялся, он делает честно и с полной отдачей.

— Но мы заметили, что круг ваших творческих симпатий расширяется. У вас в репертуаре появились сочинения новых авторов: композитора Андрея Мисина, поэта Сергея Патрушева.

— Мне кажется, что Мисин — просто потрясающий композитор. Причем один из тех, кого уже прямо сейчас могли бы «купить» в Америке. И не только как автора музыки, но и как певца. Он так же, как Паулс, имеет свое лицо, свой «почерк». Почти те же слова я сказала бы и о замечательном поэте Сергее Патрушеве: что ни текст, то удивление!

— Скажите, а над вашим новым сценическим гардеробом трудились американские специалисты!

— Что вы! Почти все костюмы «made in USSR». Представляете, и наши отечественные модельеры кое-что умеют. Часть туалетов — из коллекции латышской художницы Инги Дразниеце, часть — от молодого московского модельера Валентина Юдашкина. Правда, купить все это я не смогла, взяла напрокат, потому что стоят сии наряды весьма дорого.

У БОГАТЫХ СВОИ ПРИЧУДЫ?

— Неужели вы, «звезда» советской эстрады, не можете себе позволить приобрести то, что хочется!

— А как я могу позволить, если, например, мои личные расходы на подготовку спектакля, который вы видели, значительно превысили мои доходы! Может быть (даст бог!), после удачных контрактов в США я поправлю свое финансовое положение. Ведь там, как известно, платят совсем иначе. Помню, когда в Америке я рассказала, что однажды выступила за месяц в 75 концертах, там не поверили. И думая, что я прихвастнула, позже несколько раз возвращались к этому факту — может, что-то спутала. А ведь это на самом деле было. Да и что оставалось делать, если за выход в концерте мне платили 12 рублей, моим музыкантам — 7, танцорам 6, а то и 5. Но я-то должна и о них думать: разве проживешь на заработки с 30 концертов в месяц! Я уж не говорю с 20 или 10, как принято работать на Западе. Там концерт—не единственное средство для существования артиста. Основные источники их доходов — выпуск пластинок, видеоклипов, съемки на ТВ. Колоссальные суммы отсчитывают «звездам» и на американском телевидении. Мой же самый высокий гонорар на отечественном ТВ не дотянул и до 50 рублей.

Кстати, его Величество случай помог мне еще раз — теперь уже за океаном. Одна из американских газет опубликовала сообщение о том, что советская поп-«звезда» записывает песни в студиях Лос-Анджелеса. После чего как снег на голову ко мне заявились телевизионщики. А поскольку я была для них фигурой абсолютно неизвестной, они решили составить обо мне собственное впечатление: сначала отсняли интервью, затем наблюдали за моей работой в студии, потом гуляли со мной по городу, водили по магазинам, «экзотическим» местам, тщательно следя за моей реакцией и поступками. А позже выдали свой сюжет в одной из самых популярных вечерних передач. Причем построен был сюжет весьма коварно: меня «свели» на экране со всемирно известной Мадонной, по ходу действия нас постоянно сравнивали, а в конце предложили: а не обменяться ли нам «звездами»!

— Из этого следует, что вы покорили Америку!

— Что вы! До этого еще так далеко. Если для того, чтобы меня признали на Родине, мне потребовалось не одно десятилетие, то как можно за полгода покорить Америку?! Правда, мои тамошние друзья уверяли, что появление в этой телепередаче — огромная удача: ведь я заявила о себе сразу на все Штаты.

— Скажите, а советские телезрители смогут увидеть какой-то материал о вашей «американской жизни»!

— Да, вы знаете, там снималась видеолента совместного производства корпорации Стэна Корнелиуса и нашего объединения «Видеофильм». Вот только не знаю, выйдет ли эта картина на телеэкраны или поступит в видеосалоны и в продажу на кассетах.

— А вы сами имеете какие-то права на то, что записано и отснято «там»!

— С правами сложно. Ведь я же живу по советским законам. Будет ли ТВ покупать эту продукцию у «Видеофильма», мне трудно сказать. И вообще захочет ли объединение давать ее на ЦТ до того, как получит какие-то доходы? Но мне было бы очень интересно узнать реакцию широкого зрителя на то, что я сегодня делаю.

«МНЕ КАЖЕТСЯ, Я СТАЛА ЛУЧШЕ»

— Побывав на вашем новом концерте, мы можем уверенно сказать, что вы в США времени даром не теряли.

— Благодарю за добрые слова. Мне очень помогла в профессиональном плане работа в Америке с большими музыкантами. Не знаю, насколько я талантлива и насколько смогла у них что-то перенять, но зато теперь знаю, с чего начинать, что делать и как. Мне кажется, я стала лучше. И еще я поняла: самое главное — духовное состояние. Несмотря на все благополучие, в котором я купалась там, вечерами я испытывала непреодолимую ностальгию. Считала дни, когда вернусь домой, в свою музыкальную «семью», и начну воплощать вместе с ней то, что накопила за это время.

Лет пять назад, когда я только пробивалась на большую сцену и путь мой был усеян не розами, а шипами, когда наступали минуты безумного отчаяния и казалось, что сил для борьбы больше нет, лишь один человек вселял в меня надежду. Это был мой друг, священник из Латвии — отец Виктор. Он произносил слова утешения, которые живут почти две тысячи лет: не надо бояться делать хорошее, не надо ждать похвалы и благодарности, это обязательно придет само, каждый труд вознаградится.

И все-таки я не могла тогда даже подумать о таком большом успехе. Но я к нему долго шла. Это не было утро, когда Золушка проснулась принцессой. Позади годы огромного труда и отчаяний.

Т. МАРТЫНОВА,
Т. СЕКРИДОВА.